

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ ИНСПЕКТИРУЕТ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДЕРПТСКОГО ОКРУГА*

ТАТЬЯНА СТЕПАНИЩЕВА
(Тарту, Тартуский университет)

В России, с ее особенностями социального и культурного развития, писателям редко удавалось оставаться только писателями, так или иначе они были принуждены к политически значимым высказываниям. Интересно в этом отношении начало XIX в., когда развитие литературы как социального института обусловило активное включение писателей в дело идеологического строительства. При этом самые значительные из этих писателей росли на идее отказа от «службы», от выхода на общественную или политическую сцену, но были увлечены просветительскими по сути идеями и обратились к социокультурной инженерии (позволим себе такое анахроническое определение). Мы имеем в виду прежде всего «карамзинистов — творцов официальной идеологии», по заглавной формуле из статьи Л. Н. Киселевой, посвященной анализу официального русского гимна, текст которого написал В. А. Жуковский [Киселева].

Разумеется, не одни последователи автора «Бедной Лизы» включались в конструирование идеологии при Александре I, а тем

* Статья написана в рамках институционального гранта IUT34-30 Tõlke-ideoloogia ja ideoloogia tõlkimine: kultuuridünaamika mehhanismid Eestis vene ja nõukogude võimu tingimustes 19.–20. sajandil / Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries.

более при Николае Павловиче. Исследований об отношениях поэтов и власти, о подвижности границ между политикой и поэзией на сегодняшний день появляется все больше, и некоторые из них очень основательные, напр., монография А. Л. Зорина «Кормя двуглавого орла...», совершенно необходимая для историка литературы конца XVIII и первой половины XIX вв. [Зорин], и большое исследование М. Л. Майофис, посвященное политическим проектам с участием арзамасцев [Майофис].

Наша статья посвящена персонажу, о котором в таких исследованиях вспоминают нечасто, и не без оснований. Литературный и служебный путь сложился у П. А. Вяземского так, что он в гораздо меньшей степени, чем ряд его собратьев по литературе, был причастен к определению идеологических векторов эпохи. С 1810-х по конец 1830-х его поэтическая репутация играла всеми оттенками либерализма, однако он, как известно, не участвовал в попытке «горстки прапорщиков» «перевернуть Россию». При этом не стал Вяземский и высокопоставленным чиновником из арзамасцев, как А. И. Тургенев, а позднее С. С. Уваров и Д. Н. Блудов. Служба, которой он по самым прозаическим (финансовым) соображениям был принужден добиваться после обидной отставки и многолетней полуопалы в конце 1820-х, совсем не отвечала его ожиданиям. Представив в 1829 г. императору объяснительно-оправдательную «Записку о кн. Вяземском, им самим составленную», автор получил место чиновника по особым поручениям при министре финансов, хотя просил о назначении по министерству народного просвещения или юстиции. В финансах князь ничего не понимал, но отказываться от места было рискованно:

Вчера утром в департаменте читал проекты положения маклерам. Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего, чего не понимаю и понимать не хочу, куда показался бы я себе смешным и жалким. Но это называется служба, быть поря-

дочным человеком, полезным отечеству, а пуще всего верным верноподанным [Записные книжки: 169].

Хотя служба тяготила его, Вяземский понемногу продвигался вверх, получал чины и награждения. Так, в 1832 г. он стал председателем Комитета по надзору за браком товара, служил в Департаменте внешней торговли, занимался таможенными делами и устройством промышленной выставки в Москве, а в 1846 г. был назначен директором Государственного заемного банка. Принуждение подданного к дилетантизму, принимающее вид тонкой издевки со стороны властей, заставляло Вяземского изливать желчь (как обычно) на страницы записной книжки:

<Правительство> неохотно определяет людей по их склонностям, сочувствиям и умственным способностям. Оно полагает, что и тут человек не должен быть у себя, а все как-то пересажен, приставлен, привит наперекор природе и образованию. Например, никогда не назначили бы Жуковского попечителем учебного округа, а суют на эти места Крафстрема, Траскина. А если Жуковскому хорошенько бы поинтриговать и просить с настойчивостью, то, вероятно, переименовали бы его в генерал-майоры и дали бы ему бригаду, особенно в военное время [Записные книжки: 287].

Конечно, не должность прежде всего определяла участие литератора в деле идеологического строительства. Однако Вяземскому на нежеланном поприще чиновника-экономиста было отведено заведомо меньше пространства для проектов, чем, например, наставнику наследника престола В. А. Жуковскому (он все-таки не получил бригады) или любителю древних антологий — министру народного просвещения С. С. Уварову. Очевидно, за николаевским назначением стояла память о конституционных замыслах Александра, легкомысленном либерализме начальных лет его правления и о стихах, которых Николай I не любил. Кроме того, в обычаях его и его времени было предпочитать военных для просвещения народа.

В процитированной записи новоиспеченного директора банка упомянуты два генерала, исполнявшие должность попечителя учебного округа: Александр Семенович Траскин (1803–1855) воевал на Балканах и на Кавказе, за кампанию 1840 г. в Чечне и Дагестане был произведен в генерал-майоры, позднее перешел в статскую службу, и в 1847–48 гг. был попечителем Киевского учебного округа. Евстафий Борисович Крафстрем (1784–1854), участник войны 1812 года и заграничных походов, был награжден золотым оружием за храбрость, участвовал в подавлении беспорядков в Польше и Литве в 1831 г., а в 1836 г., в чине генерал-лейтенанта, получил назначение в Дерптский учебный округ (где и умер — на посту). Вяземский же носил только мундир ополченца в 1812 году, впоследствии служил в канцелярии Н. Н. Новосильцова в Варшаве, и неудачно — потому что навлек на себя гнев вел. кн. Константина Павловича (о чем его младшему брату было, разумеется, известно). В общем, допускать Вяземского к народному просвещению у Николая I не было резона.

Избавление от банковской службы пришло после смены правления. В июле 1855 г. князь получил увольнение из Министерства финансов и был назначен товарищем министра народного просвещения, которым тогда был Авраам Сергеевич Норов. Здесь уместно вспомнить, что в 1854 г. в Вольной русской типографии вышла сатира Вяземского «Русский бог», а всего три года спустя в «Колоколе» было опубликовано ее «продолжение», написанное, скорее всего, Н. Огаревым:

Бог карьеры слишком быстрой,
Бог, кем русский демагог
Стал товарищем министра, —
Вот он, вот он, русский бог!

Ирония автора понятна, потому что к этому времени от былой репутации Вяземского не осталось и следа. Стихотворение 1848 г.

«Святая Русь» заслонило вольные стихи 1810–20-х, а бьющие квасным патриотическим духом куплеты на Крымскую войну подтвердили окончательное превращение стихотворца. Однако «карьера слишком быстрая» — это определенно не о нашем герое, ведь он попал на желанное место спустя четверть века после возобновления службы.

Инспекция Дерптского учебного округа стала одним из первых заданий для нового товарища министра, с нее удобно начать описание карьеры Вяземского по ведомству народного просвещения. Специальных исследований о ней пока нет, соответствующие материалы в разных архивах нуждаются в объединении, поэтому мы ограничимся начальными соображениями о том, как присяжный карамзинист и историк «золотого века» русской словесности участвовал в обновлении системы народного просвещения на закате «мрачного семилетия» и в преддверии Великих реформ.

Для этой истории будет существенна личность непосредственного начальника Вяземского, министра А. С. Норова. Он был немного младше своего заместителя и удачливее в карьере. В свое время ради военной службы Норов бросил Московский университетский благородный пансион и был зачислен юнкером в артиллерию. Лишившись ноги на Бородинском поле, он не ушел в отставку, хотя в походах уже не участвовал. С 1823 г. Норов находился на статской службе, был прикомандирован к Министерству внутренних дел, служил в Комиссии по принятию прошений, исполнял другие бюрократические задания. Наряду с этим он был постоянно занят литературным трудом и разнообразными исследованиями. С 1818 г. он состоял в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, с 1821 — в Вольном обществе любителей российской словесности, печатал в журналах (чаще всего в «Благонамеренном») статьи, переводы и послания, при этом ясной «партийной» позиции не имел. С начала 1820-х началась

чередой путешествий, в которых Норов составлял подробные описания увиденного (страны Европы до Сицилии; Англия, в середине 1830-х — Восток, Египет, Нубия, Палестина, Турция; в Россию возвращался через Болгарию, Галицию, Славонию и Венгрию). Для его книг, особенно посвященных восточному вояжу, характерны широчайший охват материала, динамичный стиль и сочетание исследовательского пафоса с религиозным. В 1840 г. Норов был принят в Российскую академию, а с 1851 г. стал действительным членом Академии наук по отделению русского языка и словесности, председателем Археографической комиссии и Русского географического общества. Перечисление можно продолжить, однако и приведенные данные достаточно сообщают о масштабах и направлении деятельности А. С. Норова.

В начале 1850 г., т. е. еще при Николае I, в разгар *реакции*, он был назначен товарищем министра народного просвещения, которым в то время был Платон Александрович Ширинский-Шихматов¹. После его смерти (в 1853 г.) министерство досталось

¹ Платон Александрович прославился формулой, сопровождавшей закрытие кафедр и прекращение преподавания философии во всех российских университетах (кроме Дерптского): «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен». А. В. Никитенко, впрочем, оставил о нем снисходительный отзыв: «Князь Шихматов был добр и по природе и по убеждению христианина, справедлив, прост и доступен. Он не отличался, подобно своему предшественнику <С. С. Уварову>, ни блестящим умом, ни даром слова. <...> Он собственно не был государственным человеком — да и где же у нас государственные люди? — и пост министра застал его, так сказать, врасплох, неожиданно. Он сам признавал свою несостоятельность в этом отношении. Но надо сказать правду, что на его долю выпало управлять министерством в тяжелое время, когда с одной стороны восстали против просвещения поборники прежней допетровской тьмы, а с другой — смущенное правительство терялось и не знало, чего ему держаться. <...> Князь Шихматов хотел честно и добросовестно выполнять свою тяжкую миссию. В бумагах,

Норову, который практически повторил судьбу предшественника: пробыл на посту недолго, достиг немногого, подвергался критике подчиненных за слабость и неумение твердо преследовать свои цели, вполне прогрессивные и похвальные. Правда, в отличие от Ширинского-Шихматова, Норов успел уйти в отставку, а не скончался от служебных огорчений, как бедный князь.

А. В. Никитенко после смерти Ширинского-Шихматова записал в дневник слова Я. И. Ростовцева: «Ни один человек, глубоко и основательно мыслящий, не согласится теперь принять на себя звание министра народного просвещения. Для этого надо иметь колоссальную силу, какой у нас никто не имеет» [Никитенко: 353], — однако Норов согласился принять это звание.

К достижениям его министерства зачастую относят повышение квот на поступление в университеты, однако считать это достижением можно на фоне полузадушенных университетов конца николаевской эпохи, и только если не знать первоначального плана, предполагавшего полную отмену ограничений. Норову же удалось добиться прибавления 50 человек для каждого университета в России. Увеличение преподавания древних языков в университетах — еще одно достижение Норова — при ближайшем рассмотрении оказывается несколько ретроградной мерой: незадолго до того, в 1849 г., под руководством С. С. Уварова была проведена общая реформа гимназий, как раз снизившая в программе долю «классических» дисциплин ради увеличения часов

которые я получал от его товарища <А. С. Норова> по разным важнейшим вопросам, везде видно благородное усилие защищать дело просвещения и отклонять слишком резкие преобразовательные меры, клонящиеся к стеснению его. Но он не имел достаточно ни нравственного, ни гражданского мужества, чтобы смело повернуть против ветра руль своего корабля, со всех сторон обуреваемого грозною борьбою стихий. Он изнемог в этой борьбе, и можно с достоверностью сказать, что она сократила срок его жизни» [Никитенко: 368–369].

на математику, физику, историю, русский и немецкий языки [Исторический обзор: 325]². Вместо «реального» направления (как при Уварове) российское образование возвращалось на «классические» рельсы.

Оценку деятельности Норова на посту министра просвещения дал А. В. Никитенко в своем «Дневнике». На протяжении трех лет он был при Норове чиновником особых поручений, а по сути выполнял за министра черновую (и не только черновую) работу. Он не просто разрабатывал планы и составлял проекты, но иногда являлся инициатором их. Не вполне оформленный статус Никитенко осложнял отношения с канцелярией министра, чиновники которой более или менее явно противились его влиянию на Норова. Однако в сравнении с противодействием других министров, сановников и самого Александра Николаевича этими неприятностями можно было пренебречь. В дневниковых записях с участием Норова повторяются замечания о слабости министра, об отсутствии у него собственной позиции и умственной независимости. Типовой эпизод выглядит так: Никитенко усиленно работает над проектом (запиской, рапортом, планом и т. д.), Норов принимает его с воодушевлением, следуют объятия и изъявления благодарности, затем проект идет на обсуждение или утверждение — и, в конце концов, отвергается совсем или меняется до неузнаваемости, что принуждает Норова к смущенным оправданиям перед подчиненным:

² Заметим, что в начале 1840-х гг. попечитель Крафстрем высказался в пользу уменьшения «классицизма» в гимназиях подотчетного ему Дерптского учебного округа, и Министерство одобрило изменение плана. Возможно, таким образом, что для Вяземского Крафстрем был плох на посту попечителя не потому, что не был профессионально подготовлен, а потому что занимался неуместными новациями, которые министр Норов позднее отчасти нейтрализовал.

Вечером меня опять призывал к себе Авраам Сергеевич Норов. Еще сильнее жаловался он на свои затруднения, говорил, что возлагает все свои надежды на меня. Ах, плохо! Как ожидать стойкости от того, кто не полагается прежде всего на самого себя и на силу собственных убеждений? Как бы он ни был просвещен и гуманен, он неспособен долго противиться натиску враждебных обстоятельств... [Никитенко: 370];

... «старый младенец, старый младенец», — повторил несколько раз Я. И. Ростовцев о Норове [Никитенко: 444].

Из-за неумения стоять на своем Норову в итоге и пришлось уйти в отставку — вместе с Вяземским.

Первый отзыв князя о Норове столь красноречив, что нельзя не привести его. Дополнительный интерес придает ему два обстоятельства — то, что он дан до вступления Вяземского в должность, и то, что в целом запись посвящена ходу Крымской войны, а Норов в ней выступает как своего рода символ (или симптом). Запись была внесена в книжку (№ 19) в начале 1854 г., когда Россия вела переговоры в Вене, и Вяземский предвидел их провал. Он считал, что страна вступила в войну неподготовленной, дав врагам возможность сплотиться, так что теперь перед их превосходящими силами придется принять унижительные условия договора. Главной причиной неудач автор записи полагал «недостаток в отличных людях», а причину его усматривал в неверных действиях правительства:

В недостатке людей виновато правительство. Оно везде подавляло личность и требовало одного безусловного повиновения, не хотело и опасалось людей: из людей сделало слепые и бездушные орудия, пружины. Оно может еще годиться в обыкновенные времена, но во времена чрезвычайные, каковы настоящие, нужны люди, а их нет: они не подготовлены, не дали им свободы вырасти и созреть, как больной, который, боясь сильного действия лекарств, дает им выдыхаться. Правительство наше требовало одних выдохнувшихся людей.

Кто был с малейшим духом, тот оставался в стороне и без употребления. Как в басне Крылова оно брило себя тупыми бритвами, понадобились острые — их нет [Вяземский: X, 144].

Далее Вяземский вспоминал случаи: Вронченко (который отговаривался от поста министра финансов неспособностью, на что Николай Павлович отвечал ему: «Я сам буду министром финансов»), Паскевича (который держал начальника штаба за «главного писаря»), Горчакова (который был «со способностями», но за 20 лет таких «писарских» занятий «притупился и нравственно одурел») [Вяземский: X, 144]. Все эти случаи, по мнению автора записной книжки, демонстрировали, что власть «может быть самодержавна в общем действии и в начале своем, но в частности должна она иметь орудиями своими власти ответственные. У нас ответственности нет, а есть одна подчиненность». Подчиненные же власти способны только на злоупотребления, малые и большие:

... действовать по духу, по разумению своему, по совести своей никто не может. Поэтому, кто ни поп, тот батька. Кто дослужился до известного чина, тот и министр и полководец. Правительство в выборах и назначениях своих советуется с чином, а не со способностями человека. Смешно и грешно мне сказать, потому что я Норова люблю и уважаю³, но назначение его министром просвещения может служить ключом ко всем неудачам нашим в нынешнюю войну. У нас везде Норовы и в гражданском и в военном управлении, с тою только разницею, что Норов честный человек и добросовестный, а многие другие Норовы и нечестные и недобросовестные [Там же: X, 144–145].

Эта запись была сделана, разумеется, для себя, потому так откровенна. В письме к В. П. Титову в сентябре 1855 г. князь высказался

³ Очевидно, по старой памяти, по старому — с 20-х гг. — знакомству, по литературным и газетным делам (ведь Норов печатался и в «Литературной газете», не только в «Благонамеренном»).

более комплиментарно — хотя адресат был его другом, после назначения злословить министра было уже неприлично. Вяземскому оставалось только рефлексировать — довольно пространно — над запоздалым назначением и сомневаться в своих возможностях:

Вы меня поздравляете и воспеваете, а я только что не отпеваю себя. Новое назначение мое могло бы во всех отношениях удовлетворить моем самолюбию и даже затронуть мою душу. И назначение было самое милостивое, и представление самое радушное и вообще встречено оно было, можно сказать, единогласным сочувствием. <...> но, признаюсь, со всем тем преобладающее в этих впечатлениях чувство есть чувство уныния. <...> Может быть, лет за 20 тому, открывающаяся мне деятельность и расшевелила бы меня и пустился бы я в нее с упованием. Теперь, что я? До 63 лет дожил нулем, который в счет не шел, странно мне сделаться цифрою, которая все-таки имеет некоторое значение и принимается в расчет другими при общем итоге требования и ожиданий [Вяземский: X, 159].

Он вспомнил примеры Дашкова и Блудова, которые при вступлении на чиновное поприще позволяли надеяться, что «их числительная важность произведет значительный оборот в положении дел, или, по крайней мере, что каждый из них сохранит свою внутреннюю ценность», — однако вскоре эта ценность «размялась на гомеопатические дробы» [Там же]. В этом письме Вяземский вновь свел в одной фразе дела в Крыму и в министерстве:

Нет, как ни рассуждай, Севастополю не следовало бы пасть, а мне не следовало бы возвышаться.

Однако А. С. Норову в письме была дана оценка совсем не сходная с той, что мы привели выше:

Скажу по совести, что Норов очень благонамеренный человек, любит и понимает просвещение, и довольно настойчив и тверд в своем направлении. Но, может быть, не имеет блестящих способностей Уварова, но имеет гораздо более любви и теплоты, чище и благороднее

душою и тверже на одной ноге своей, нежели тот был на двух <...>
В этом отношении я душевно рад быть товарищем Норову, и уверен,
что я с ним не оцарапаю своей совести [Вяземский: X, 160].

Князь был здесь все-таки не вполне искренен, так как за несколько месяцев до того он записал в книжку: «Получил из Петербурга известие о смерти, почти скоропостижной, графа Протасова. Я назначил бы на его место <обер-прокурора св. Синода> Норова, а на его место Титова».

Таким образом, на новой должности Вяземский испытывал двойственные чувства: по старой памяти хотел постоять за дело просвещения, сделать лучшее, то, что ему велели долг и совесть, однако в своей пригодности к делу уже не был уверен; не меньшие сомнения вызывала у него и пригодность самого министра.

Насколько удалась Вяземскому инспекция учебных заведений Дерптского учебного округа, судить трудно — как минимум потому, что следов этой инспекции в Дерпте/Тарту практически не осталось. В отчете университета за 1856 г. упоминаний о визите товарища министра мы не нашли. Между тем, 21 мая 1856 г. министр распорядился, чтобы Вяземский, направляясь в отпуск в Митаву, заодно совершил инспекцию Дерптского учебного округа. В последних числах мая князь выехал из столицы и отправился в Лифляндию и Курляндию.

Представление о поездке дают материалы, хранящиеся в фонде П. А. Вяземского в РГАЛИ (ф. 195, оп. 1, ед. хр. 704). В папке «Материалы по обследованию П. А. Вяземским учебных заведений Дерптского округа. На русском, немецком, французском языках» насчитывается 68 листов. Львиную их долю составляют циркулярные распоряжения куратора, регламенты и программы училищ и гимназий — т. е. документы, которые были представлены для составления отчета. В распоряжении Вяземского также находилась «записка», видимо, содержавшая что-то вроде «самооценки», но она не сохранилась. Печатные приказы и регла-

менты не содержат помет инспектора, они остались «пустыми». Несколько пометок сделано на штатных списках преподавателей, напр., в штатном расписании Митавской гимназии стоит крестик на полях рядом с именами учителей русского языка и словесности Давиденкова и Николеча; крестик побольше — напротив имени учителя закона Божьего (православного вероисповедания) Розанова. Если добавить, что на полях напротив позиций в списке:

Учитель французского языка Гвайта

Учитель русского языка в дополнительных классах Голотузов

— рукой Вяземского подписано «довольно плохие», то крестики можно почитать сделанными той же рукой и истолковать как предположительно позитивную оценку оных учителей. Но все это, конечно, дает мало пищи для анализа и тем более выводов.

Собственноручные записи товарища министра о ходе инспекции занимают в деле всего пять листов. Несколько тем в них преваляют, перечислим их в порядке значимости:

- 1) личность и публичное поведение куратора Е. фон Бракке (особенно его неудавшаяся аудиенция у императора — обсуждается в записях трижды);
- 2) преподавание русского языка в учебных заведениях округа и вообще его роль в официальной и частной сферах;
- 3) официальная позиция относительно студенческих корпораций;
- 4) состояние учебной работы;
- 5) неурядицы университетских педелей.

Разумеется, судить о результатах министерской инспекции можно будет с уверенностью лишь после знакомства с официальным отчетом, который должен храниться в архиве министерства⁴. Однако, как мы полагаем, этот отчет был написан не самим Вязем-

⁴ К сожалению, доступ к нему затруднен.

ским, хотя и под его руководством. Так, достоверно известно, что результаты инспекции Московского, Казанского и Харьковского университетов, проведенной в 1855 г. самим Норовым, были сведены в официальные отчеты благодаря вышеупомянутому А. В. Никитенко. Именно он являлся их настоящим автором (как и в ряде других случаев, описанных в «Дневнике»). Хотя Никитенко состоял при Норове, он выполнял подобные задания и для Вяземского. Когда в начале осени 1855 г. министр отправился осматривать Казанский и Московский университеты, он оставил «на хозяйстве» заместителя, поручив ему и Никитенко особенно заняться проектом переустройства цензуры. Вяземский лишь упоминает об этом — как о своем «калифстве на час», их подчиненный пишет об этом эпизоде гораздо более подробно:

Ездил в Царское Село к товарищу министра, князю Вяземскому, с докладом. Читал проект инструкции цензорам. Он очень одобрил. Исправив писарские ошибки, должен доставить князю проект для препровождения к графу Блудову. Я говорил с князем о многом, касающемся нашего министерства. Он мало знаком еще с делами и во всем соглашался. Впрочем, от этого вряд ли можно ждать пользы. Почти все наши сановники на все соглашаются, и тем не менее ничего не делается. Во всяком случае князь то, что называется человеком образованным [Никитенко: 420]⁵.

Таким образом, есть основания расценивать заметки Вяземского как более чистое свидетельство его мнений, не опосредованное бюрократической формой и в меньшей степени подверженное действию чиновничьей автоцензуры. Конечно, в официальный от-

⁵ Спустя несколько месяцев, 7 мая 1856, уже после разрыва с Норовым Никитенко высказал о Вяземском сходное суждение, хотя и по другому случаю: «Вот этот сановник, пожалуй, и хорошо понимает вещи, но черт ли в этом понимании, когда и из него, как из сухого песку, нельзя сделать никакой формы! Все они таковы — эти правители русских судеб» [Никитенко: 440].

чет *coup de tête* фон Брадке точно не попал бы, но характерно, насколько эти анекдотические события занимали камергера и князя.

Егор Федорович фон Брадке (1796–1862) вообще был примечательной личностью. Воспитанник школы колонновожатых, он с ранних юношеских лет был приставлен отцом (в ту пору вятским губернатором) к настоящей службе, служил в штабе Барклая в 1815–1817 гг., был прикомандирован к Аракчееву и устраивал военные поселения (о чем оставил интересные воспоминания), в 1830–1831 гг. участвовал в подавлении польского восстания, за что получил награждение, а с 1832 г. перешел на статскую службу — по Министерству народного просвещения. Брадке основал Киевский университет, после беспорядков в нем подал в отставку, но остался на службе, занимался множеством различных проектов, а в 1854 стал попечителем Дерптского учебного округа. По себе Брадке оставил, кажется, самую благодарную память. Вяземского же, как видно по документам, интересовала прежде всего история его неудачной аудиенции⁶ и его религиозный выбор. Пиетизм, в котором подозревали Брадке и о котором Вяземский собирался «хорошенько расспросить», к середине XIX в. уже несколько ослабел в своем влиянии на Эстляндию и Лифляндию, однако власти по-прежнему усматривали в нем угрозу православной проповеди⁷.

⁶ Неудача была обусловлена стечением обстоятельств и тем, что Дерптский попечитель не знал придворного этикета.

⁷ *Estonica.org*: «В годы правления Екатерины II (1762–1796) преследование гернгутеров прекратилось. Новый подъем движение переживало уже после манифеста Александра I (1817 г.). Высшего подъема движение гернгутеров достигло к 1839 г., когда число членов гернгутерских приходов в Эстляндии и Лифляндии дошло до 50 000. Усилившееся давление со стороны официальной лютеранской церкви и секуляризаторские тенденции наступающей эпохи индустриализации положили конец влиянию гернгутеров в Эстонии во второй половине XIX в.»

В общем, судя по записям, товарища министра интересовали прежде всего не дела учебные, не состояние заведений, а состояние духа их попечителя — то, что он считал важнейшим фактором, определяющим состояние всей системы. Вяземский придерживался тех же воззрений и в области литературы: не читатели и их запросы формируют писателя и определяют облик литературы, а наоборот — писатель творит читателей, образует их и определяет уровень литературного дела. То есть в сфере своей служебной, чиновничьей деятельности Вяземский перенес те же идеи, которыми питалась его литературная работа на протяжении многих лет:

Один хороший автор рождает сотни читателей; но целый народ читателей не произведет ни единого, даже посредственного автора (Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 года, напечатанное в № 5-м Северного Архива на 1823 год [Вяземский: I, 101–102]).

Развяжите язык немого — и он будет иметь слушателей. Дайте нам авторов, пробудите благородную деятельность в людях мыслящих — и читатели родятся [Там же: 103].

Язык образованного писателя есть тот, который должен быть присвоен народом [Там же].

Другая важная для дерптских инспекционных заметок Вяземского тема — место и значение русского языка в Остзейских губерниях. Приведем самое важное и развернутое из его на этот счет суждений:

Должно отказаться от мысли сделать здесь русский язык господствующим — должно быть довольным, если успеют со временем сделать его вспомогательным. Но для того должно высылать сюда

(http://www.estonica.org/ru/История/1710-1850_гг_Остзейский_особый_порядок/Влияния_пиетизма_и_братств/)

хороших учителей, образованных. Здесь немецкий язык в праве и в атмосфере. Это язык эндемический.

Дети Валуева всего лет шести в здешнем краю, а между собою говорят по-немецки. Поди после, переменяй язык немцев на русский. Все равно, что учить рыбу летать в воде.

Куратор умный человек, усердный и благонамеренный. Про него нельзя сказать, по известному выражению, *qu'il voit les choses trop en rose*, но, кажется, *qu'il se voit lui même trop en rose* и немного самонадеян. Он сам упивается своей речью и думает, что подпоил других. Со всем тем, он более другого здесь на месте — и соединяет в себе многие условия, чтобы, не раздражая немецкой стихии, развить и русскую. — Но дело не легкое, Россия вообще не довольно сильна дома, в среде своей, чтоб нравственно заливать окрестные поля, а затоплять насильственными мерами будет еще хуже [Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 66 об.].

Эта запись интересна в сопоставлении с суждениями Вяземского, вызванными событиями Крымской войны. Сравнительно с запальчивыми и ультра-патриотическими «Письмами русского ветерана 1812 года» и тем более со стихами того периода, предназначенными для публики (в первом случае — европейской, а во втором — для *народа*), в записи *для себя* Вяземский оказывается гораздо более сдержан и критичен в оценке русской политики. Близкое знакомство со средой, впрочем, уже давно ему знакомой (в Эстляндии и Лифляндии князь бывал начиная с 1820-х гг.), склоняло к объективности в оценке успехов имперского строительства. Однако интересно было бы сопоставить это суждение Вяземского *для себя* с соответствующими местами официального отчета — еще и потому, что он принципиально разделял оценки *для своих* и *для всех/для чужих*. К миру надлежало поворачиваться только выгодной стороной, скрывая недостатки и нестроения, чтобы не допустить ущерба репутации — и личной, и всего дела.

Наряду с констатацией неверной культурной политики России в Остзейских губерниях, Вяземский заносил в материалы для

будущего отчета и потенциально «выгодные» сюжеты и проекты «нейтрализации», если не исправления, ошибок:

Эти области собственно Германии никогда не принадлежали — разумеется, такое сочинение должно быть написано вовсе не во враждебном духе, — а в виде решения задачи исторической, пускай предложат ее академии в виде разысканий до какой степени германский элемент входит в политический состав этих областей?

— между тем, вот доказательство, что русская струя проникает сюда. Сегодня (23) идя по улице заметил я мальчика лет 10, — и на вопрос мой: Не русский ли он, отвечал он мне, что русский. И что же ты здесь делаешь? — учу детей по-русски, и назвал мне какое-то семейство, разумеется, немецкого происхождения, где он состоит вольным преподавателем.

Был я сегодня в уездном училище, и остался доволен успехами в русском языке и в русской истории [Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 68].

Таким образом, в записях П. А. Вяземского об инспекции Дерптского учебного округа повторяются идеи и тезисы, незадолго до того положенные в основу ряда чрезвычайно идеологически нагруженных публицистических текстов — статей и писем о Крымской войне (см. о них [Stepanishcheva: 121–142]). Учебные дела в записях находятся на втором плане, они не так интересны Вяземскому. Его опасения не соответствовать должности, высказанные ранее, очевидно, оказались не напрасны. Он, в отличие от, например, упомянутых А. В. Никитенко и Е. фон Брадке, не мог с самоотвержением погрузиться в новую и когда-то желанную службу. И, видимо, уже не стремился к такому погружению. В связи с этим, нужно, как нам представляется, пересмотреть представления о поздней биографии Вяземского и его участии в проектах нового царствования.

Литература

Вяземский: *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1878–1896.

Записные книжки: *Вяземский П. А.* Записные книжки: 1813–1848 / Изд. подг. В. С. Нечаева. Л., 1963.

Зорин: *Зорин А. А.* Кормя двуглавого орла: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

Исторический обзор: Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902.

Киселева: *Киселева Л.* Карамзинисты — творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне) // Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 24–39.

Майофис: *Майофис М. А.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

Никитенко: *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. I.

Stepanishcheva: *Stepanishcheva T.* Russian National Myth on Export: P. A. Viazemsky's *Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient* // Russian National Myth in Transition. Tartu, 2014. (Acta Slavica Estonica, VI).